

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Дума о гетмане Богдане

Москва
Ассоциация книгоиздателей "Русская книга"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА
2023

УДК 63.3(2)
ББК 94(47)
К 61

К о л л е к т и в а в т о р о в :

Е.Ю. Спицын, К. Петкевич, С.В. Рыбаков, М.В. Жеребкин,
М.Р. Дроздовски, А.В. Серегин, Б.Н. Флоря, А.В. Марчуков

Колпакиди А.И.

К 61 Хмельницкий. Дума о гетмане Богдане / Ред.-сост. А.И. Колпакиди.
– М.: Родина, 2023. – 256 с.: илл. – (Русская история).

ISBN 978-5-00222-036-6

Воссоединение гетманской Украины с Россией – историческое событие, которое имеет свои причины и следствия. Для понимания причин с точки зрения закономерности или случайности произошедшего, необходимо представлять этнический состав двух территорий, пережитые вместе некогда или недавно потрясения, достижения, прорывы и неудачи. Проявившееся информационное пространство позволяет установить связи между событиями, перевести их на уровень взаимосвязей в политической, экономической, военной, правовой и иных общественных сферах, узнать о сторонниках и противниках воссоединения. Объективность событий дополняется знанием субъективного фактора или, иными словами, значением личности гетмана Богдана Хмельницкого в этих событиях.

УДК 63.3 (2)
ББК 94(47)

© Колпакиди А.И., 2023
© Ассоциация книгоиздателей
«Русская книга»

ISBN 978-5-00222-036-6

© ООО «Издательство Родина», 2023

Е.Ю. Спицын,

*российский историк, автор издания «Полный курс истории России
для учителей, преподавателей и студентов» в V томах*

ДУМА О ГЕТМАНЕ БОГДАНЕ

О происхождении Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого до сих пор существуют разные версии. Однако большинство историков, в частности Г.А. Санин и его украинские коллеги В.А.Смолий и В.С.Степанков, утверждает, что он родился 27 декабря 1595 года либо в богатом отцовском хуторе Суботов, который располагался на территории Корсунского, а затем Чигиринского старостата, либо в самом Чигирине [1]. Его отец Михаил Лавринович Хмельницкий был выходцем из так называемой боярской, или ранговой шляхты и долгие годы провёл на службе у польного коронного гетмана Станислава Жолкевского, а позднее у его зятя, корсуньского, а затем и чигиринского старосты Яна Даниловича. Вероятнее всего, и мать Богдана, которую звали Агафья, происходила из малороссийского шляхетского рода. Её отцом называли чуть ли не самого Богдана Ружинского, бывшего во времена Ивана Грозного гетманом запорожского казачества. Хотя ряд авторов, в частности те же В.А.Смолий, В.С.Степанков и О.Д.Бойко, считали, что она была реестровой казачкой [2]. Более того, по нормам польского права де-юре Б.М.Хмельницкий не принадлежал к шляхетскому сословию, поскольку его отец за какой-то неблагоприятный проступок был подвергнут инфамии и лишён шляхетского статуса.

Тем не менее в 1608 году, после окончания киевской братской (православной) школы, когда Богдану стукнуло 12 лет, отец послал его на учёбу в один из лучших иезуитских коллегиумов — братскую школу во Львове, где все тогдашние «студенты» изучали вполне традиционный набор учебных дисциплин: старосла-

вянский, греческий и латинский языки, грамматику, риторику, поэтику, элементы философии, диалектику, а также арифметику, геометрию, начала астрономии, богословие и музыку [3]. А в 1615 году, после завершения традиционного для той поры семилетнего обучения, Богдан Хмельницкий, который помимо прочих наук в совершенстве овладел французским, польским и немецким языками, мог поехать в Варшаву и начать здесь блестящую карьеру при дворе самого короля Сигизмунда III. Однако его отец отозвал сына в Чигирин, где он начал ратную службу в Чигиринском полку рядовым реестровым казаком, находящимся на ратной службе у «польской коруны».

Уже в 1620 году, когда вспыхнула очередная польско-турецкая война, молодой Богдан вместе с отцом участвовал в походе великого коронного гетмана и великого канцлера Станислава Жолкевского в Молдавию, где Михаил Хмельницкий вместе со своим многолетним благодетелем погиб в знаменитой Цецорской битве, а сам Богдан попал в плен к неприятелю. Как полагают многие историки, два или три года тяжёлого рабства на турецкой галере (а может быть, и в свите одного из турецких адмиралов) не прошли для Богдана даром, поскольку в неволе он сумел выучить турецкий, а возможно, и татарский языки. Но в 1622 или 1623 году он вернулся в родные края, будучи выкуплен из турецкого плена либо каким-то безымянным голландским купцом, либо самим Сигизмундом III (1587-1632), либо его земляками — казаками Чигиринского полка, которые, памятуя ратные дела его погибшего отца, помогли матери Богдана собрать необходимую сумму для выкупа сына из турецкой неволи.

По возвращении в Суботов Богдана Хмельницкого вновь зачислили в королевский реестр, и с середины 1620-х годов он начинает активно участвовать в морских походах запорожцев на турецкие города, в том числе и в предместье Стамбула, откуда казаки вернулись в 1629 году с богатой добычей и юными турчанками. Хотя затем после довольно продолжительного пребывания в Запорожской Сечи, в 1630 году он возвратился в Чигирин и вскоре женился на дочери своего друга, переяславского

полковника Якима Сомко, Анне (Ганне) Сомковне. А в 1632 году у него родился первенец — старший сын Тимофей, а вскоре он был избран сотником Чигиринского полка.

По данным польского хрониста Веспияна Коховского, именно в этом качестве Богдан Хмельницкий в 1630 году принял активное участие в знаменитом восстании запорожского гетмана Тараса Трясило. Однако ряд современных историков, в частности, Г.А.Санин, отрицают этот факт. Более того, в истории новых восстаний запорожских казаков против польской короны, в том числе Ивана Сулимы в 1635 году, имя Богдана Хмельницкого больше не встречается. Хотя достоверно установлено, что именно он в 1637 году, будучи уже войсковым (генеральным) писарем Запорожского войска, подписал капитуляцию низовских (не реестровых) казаков, потерпевших поражение в ходе нового восстания под руководством гетмана Павла Павлюка [4].

Вместе с тем, по утверждению «Летописи самовидца» [5], авторство которой приписывают Роману Ракушке-Романовскому, когда на польский престол вступил Владислав IV (1632–1648) и началась Смоленская война между Речью Посполитой и Россией, Богдан Хмельницкий участвовал в осаде поляками Смоленска в 1633–1634 годах. Причём, как установил харьковский профессор П.Н.Будинский, автор магистерской диссертации «О Богдане Хмельницком», в 1635 году тот получил из рук польского короля золотую саблю за личную храбрость и его спасение от неприятельского плена во время одной из стычек с полками воеводы Михаила Шеина [6]. Правда, гораздо позднее, в разгар очередной русско-польской войны 1654–1667 годов, запорожский гетман якобы корил себя за эту королевскую награду, заявляя московским послам, что «сия сабля есть позор Богдана» [7].

Понятно, что после столь высокой награды Богдан Хмельницкий получил особое расположение польского короля и трижды — в 1636, 1637 и 1638 годах — входил в состав казачьих депутаций для представления Вальному (общему) сейму и Владиславу IV многочисленных жалоб и челобитий на насилия и

разорения, чинимые городовым реестровым казакам со стороны польских магнатов и католической шляхты. Между тем, по информации ряда современных авторов, после знаменитой ординации 1638–1639 годов, которая существенно урезала права и привилегии реестровых казаков, Богдан Хмельницкий лишился должности войскового писаря и вновь стал сотником Чигиринского полка [8].

Тем временем в 1645 году Владислав IV, который уже давно враждовал с Вальным сеймом, решил спровоцировать новую войну с Османской империей, с тем чтобы под предлогом этого военного конфликта существенно пополнить Кварцяную (королевскую регулярную) армию, поскольку польские магнаты к этому времени полностью контролировали сбор Посполитого рушения, то есть шляхетского ополчения. С этой целью он решил опереться на казачью старшину и доверил свой план трём авторитетным персонам — черкасскому полковнику Ивану Барабашу, переяславскому полковнику Ильяшу Караиму (Армянчику) и чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. При этом польский король даровал реестровым казакам свой Универсал, или Привилей, на восстановление их поруганных прав и привилегий, отнятых у казаков в 1625 году. Но до очередной войны с турками дело не дошло, поскольку «вербовка» казачьих войск королевской стороной вызвала страшное волнение среди польских магнатов и шляхты, и Владислав IV вынужден был отказаться от своих давних планов поквитаться с Вальным сеймом. Тем не менее королевский Привилей остался у казаков и, по разным данным, хранился втайне либо у Ильяша Караима, либо у Ивана Барабаша. Когда же польский король потерпел очередную неудачу в борьбе с магнатской оппозицией, то, по информации ряда авторов, в частности Н.И.Костомарова и Г.А.Санина [9], Богдан Хмельницкий хитростью выманил королевский Привилей и задумал использовать эту грамоту для своих далеко идущих планов. Надо сказать, что историки по-разному трактуют эти планы, но большинство из них утверждает, что первоначально в планы самого Б.Хмельницкого, как и большей

части казачьей старшины и верхушки православного духовенства, входило создание самостоятельной Казачьей державы, независимой от Турции, Речи Посполитой и России.

Между тем ряд современных авторов уверяют, что частое посещение Варшавы в составе казачьих делегаций позволило Б.Хмельницкому якобы установить довольно доверительные отношения с французским посланником при польском дворе графом де Брежи, с которым вскоре был подписан секретный договор о посылке 2500 казаков во Францию, которые в рамках знаменитой Тридцатилетней войны (1618–1648) приняли активное участие в осаде Дюнкерка французским принцем Луи Конде. Причём, что интересно, по данным польских и французских хроник (например, Пьера Шевалье) и по мнению многих украинских и российских историков, Богдан Хмельницкий не просто получил личную аудиенцию у принца Конде во время пребывания в Фонтенбло, но и личное послание от вождя английских «революционеров» генерал-лейтенанта парламентской армии Оливера Кромвеля, который тогда возглавил вооружённую борьбу против английского короля Карла I. Хотя следует признать, что эта довольно ходячая версия опровергалась в работах известного советского историка В.А.Голобуцкого и современного польского историка З.Вуйцика, которые авторитетно утверждали: на самом деле в осаде и взятии Дюнкерка принимал участие отряд польских наёмников, которым командовал полковник Криштоф Пшиемский [10].

Тем временем весной 1647 года, пользуясь отсутствием Богдана в «родных Пенатах», чигиринский подстароста Даниэль Чаплинский, у которого с соседом была давняя личная неприязнь, напал на его хутор, разграбил его, увёз его новую «гражданскую» жену по имени Гелена, с которой тот стал жить после смерти первой жены, обвенчался с ней по католическому обряду и высек, по ряду свидетельств, чуть ли не до смерти его младшего сына Остапа, которому едва исполнилось десять лет.

Поначалу Хмельницкий стал искать правды и защиты в коронном суде, однако, не найдя их, получив в качестве возмеще-

ния ущерба всего 100 злотых, он обратился к королю Владиславу IV, который якобы заявил ему, что казаки, «владея саблею за поясом», сами вправе защищать свои законные права с оружием в руках. Возвратившись из Варшавы, он решил прибегнуть к «мудрому» совету польского короля и, опираясь на его же Привилей, начал готовить новое восстание запорожских казаков. Правда, вскоре некто Роман Пешта донёс о замыслах Богдана Хмельницкого чигиринскому старосте Александру Конецпольскому, который приказал арестовать его. Однако при поддержке своих сослуживцев по Чигиринскому полку, в том числе полковника Станислава Кричевского и есаула Кондрата Бурляя, которые сами были вовлечены в подготовку нового казачьего бунта, Б.Хмельницкий бежал из заточения и в начале февраля 1648 года во главе небольшого отряда казаков прибыл на остров Токмаковку [11]. Собрав вокруг себя местных запорожцев, он двинулся на остров Хортицу, в центр Запорожской Сечи, расположенную на Никитском Рогу. Здесь отряд Б.Хмельницкого разбил польский гарнизон и принудил к бегству черкасского полковника Станислава Юрского, казаки которого сразу влились в мятежный отряд реестровых и запорожских казаков, заявив, что «воювати козаками проти козаків — це все одно, що вовком орати».

В начале апреля 1648 года, вступив в тайные переговоры с крымским ханом Исламом III Гиреем (1644-1654), Б.Хмельницкий усилиями своего кума К.Бурляя, которому, по словам Григория Грабянки, Б.Хмельницкий «доверял более всех» [12], добился от него отправки в помощь запорожцам крупного отряда перекопского мурзы Тугай-бея, убедив того, что Варшава готовит войну с Бахчисараем [13]. Этот очень неожиданный внешнеполитический успех сыграл на руку Б.Хмельницкому, которого по возвращении в Сечь сразу избрали новым войсковым гетманом Запорожского войска. А уже в конце апреля 1648 года 12-тысячное крымско-казацкое войско, обойдя крепость Кодак, вышло из Сечи и направилось на встречу кварцярному отряду Стефана Потоцкого, который выступил с Крылова навстре-